

Зимняя вода

Автор:

Сюзанна Янссон

Зимняя вода

Сюзанна Янссон

Триллер по-скандинавски

Трехлетний Адам исчезает из своего дома на острове Уруст. Полиция приходит к выводу, что мальчик утонул, но его убитый горем отец сомневается в результатах расследования. Мартин уверен, это не было трагической случайностью. Снедаемый чувством вины, он пытается докопаться до правды. Ему удастся установить связь между нынешней трагедией и загадочными событиями, которые уходят корнями в далекое прошлое. И возможно, ключ к разгадке кроется в жизни самого Мартина. Ведь на острове, где властвуют древние суеверия, а люди зависимы от прихоти своенравной стихии, могло случиться что угодно...

Сюзанна Янссон

Зимняя вода

Susanne Jansson

Vintervatten

© Susanne Jansson, 2019

© Костанда О., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Не жди больше.

Нырни в океан,

Уйди, чтобы слиться с морем воедино.

Джалал ад-Дин Руми

Пролог

То были небеса, огромные, повсюду.

Небеса над морем, с переливами.

Тяжелые, грязно-белые. Голубые, беззаботные, с еле заметными белыми полосками. Похожие на тонкую шелковистую бумагу, накиннутую поверх удивительного золотисто-желтого сияния, немые, металлически серые, сверкающие, бездонные и звонкие.

Небеса склонились над мягкими изгибами скал, отшлифованных тысячелетними льдами, раскинулись над миром, доминировали над всем.

Они возникали, распадались и появлялись вновь уже в другом облике, и никто не знал, чем они обернутся.

То были небеса.

И воды.

И скалы.

И все.

А еще люди. Маленькие люди, приехавшие сюда, чтобы построить себе жилье на бескрайних морщинистых скалах. Чтобы наловить сельди, в те стародавние времена, когда сельдь шла косяками – да такими, каких ни до, ни после никто не видывал. Никогда не видали таких косяков. Поговаривали, что можно было по селедочным спинам перейти с острова на остров – сельди было больше, чем воды.

Люди жили на островах, выходили в море, под эти небеса. Иногда – отнюдь не редко – в воду под небом падало тело, и вскоре о нем забывали. Забывали люди, разумеется, но и воды, и небеса тоже.

Возможно, слышались крики, чье-то имя раздавалось и уносилось с ветром. Крики с земли или с лодки, звучащие над морем.

А иногда зимой, когда море, казалось, становилось темнее и глубже, поговаривали о других криках. О криках, раздававшихся из глубины моря, криках, доносящихся до поверхности. Зовущих и влекущих.

Но это, должно быть, просто народная молва.

Вероятно, то была лишь песнь ветра.

1

Солнце благодушно светило своим огромным глазом, посылая вниз лучи, которые распадались на множество осколков под самой поверхностью воды. Налобный фонарь замигал, надо было зарядить аккумулятор. Ну ничего, уже почти все сделано.

Мартин обвел взглядом подвешенные садки, полные водорослей и устриц, похожие на пеларгонии в каком-нибудь морском саду. Вскоре он добрался до последнего якорного троса у самого дна. Проверил, подергав его несколько раз. Все в порядке. Никаких повреждений.

Все выглядело нормально.

Мартин развернулся и усиленно заработал ластами, не выпуская из поля зрения канат, протянувшийся вдоль морского дна. Один конец каната крепился к садку с устрицами, другой – к мосткам на берегу. Мартин совсем замерз – руки и спина онемели уже давно, а теперь, казалось, все тело проморожено насквозь, как мясная туша.

В эту пору, в январе, в море почти ничего не происходило. Время от времени пробежит крабик и спрячется в песке, или заметишь камбалу, залегшую на дно в ожидании лучших времен, но в остальном настолько холодно, что вся морская жизнь, по большому счету, останавливается.

Другое дело поздней осенью и ранней зимой: летние водоросли уже исчезли, а настоящие холода еще не наступили. Все видно как на ладони, а морская жизнь кипит всюю.

Вот тогда-то, когда ливни, ветра и шторма затемняют небо, особенно приятно опуститься в тишину и покой подводного мира. В такие дни он любил погружаться просто так, ради удовольствия.

Для него это был лучший отдых – ощущение невесомости под водой, когда мир ограничивается тем пространством, куда достает свет фонарика. Все остальное исчезает. Это ни в какое сравнение не идет с тропическими водами, где все видно на двадцать метров в любую сторону, – тут весь смысл как раз в темноте, близости и деталях.

Ближе всего к поверхности живут медузы. Маленькие гребневики, переливающиеся разными цветами, если на них посветить фонариком, и жгучие волосистые цианеи с длинными нитями-щупальцами – здоровые, сильные организмы в своей естественной среде, а не грязные полумертвые существа, которых иногда находишь на пляже летом. Но с ними надо быть начеку. Однажды такая медуза ухитрилась засунуть щупальца под регулятор акваланга,

в результате его верхняя губа раздулась до неузнаваемости.

В темноте появлялась живность, которая никогда не показывается при свете. Осьминоги, меняющие окраску при приближении опасности, омары, покинувшие свои норки, чтобы прогуляться. Все они редко бросаются в глаза, как и креветки, и замаскировавшиеся крабы, и раки-отшельники, так что нужно быть предельно внимательным, чтобы уловить малейшие движения, заметить блеск маленьких глазок в отсветах фонаря.

Как-то раз, погрузившись, он разглядывал коралловые заросли и ракушки, как вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он обернулся и увидел проплывающую мимо белую с голубым отливом медузу. Она была похожа на маленькое привидение, или на вытянутый гриб, или на взрыв атомной бомбы.

Тогда он понял, что не он один проводит наблюдения. На него смотрят со всех сторон, смотрят все эти существа, что скользят в воде, прячутся в песке или под камнями и чьи глаза невозможно поймать лучом фонарика.

Вот он и у мостков рядом с лодочным сараем.

Еще несколько движений ногами, и он у цели. Медленно поднявшись к поверхности, он вынырнул и схватился за лестницу. Снял ласты, забросил их на дощатый пирс и поднялся по ступенькам. В эти мостки он вложил не одну тысячу, поскольку ему было важно, чтобы они получились добротными и выдерживали его в полной экипировке.

Вынув регулятор изо рта, он отсоединил шланги, снял акваланг и положил все в ручную тележку, стоявшую рядом. Затем тяжелыми шагами направился с ней к пикапу, ощущая себя столь же ловким и грациозным, как барахтающаяся на спине черепаха.

Стянув с себя гидрокостюм и развесив все вещи в машине, он откашлялся, пытаясь выгнать из легких холод. Уселся на потертое водительское сиденье. Завел двигатель, налил себе кофе из термоса, обхватил стаканчик обеими руками, чтобы согреться.

Все там выглядело как обычно.

Теперь худшее позади, все снова станет как прежде.

Осталось только поверить в это самому.

Четверть часа спустя Мартин уже ехал, вцепившись в руль побелевшими руками.

Отъезжая от лодочного сарая и пересекая хутор братьев, он никого не заметил.

Никаких враждебных взглядов. И все же он чувствовал их, словно они окружали его со всех сторон, из дома, из всех хозяйственных построек и припаркованных машин.

Взгляды, скрывавшие столько злобы.

Они где-то там, он точно знал.

Он задумался над тем, чем можно заняться в те три дня, что он проведет один с Адамом. В субботу можно съездить в Гетеборг, сходить там в зоопарк, Адаму это понравится, особенно если взять с собой его приятеля Вильгота. А вот завтра лучше остаться дома, навести порядок в сарае и в саду. Обещают переменную облачность и небольшой минус, не то чтобы прекрасная погода, но лучше, чем снежная буря, как в прошлые выходные, когда дороги было не различить и они всей семьей сидели два дня дома почти безвылазно. Можно будет завтра спуститься с Адамом к воде и устроить там пикник, когда Александра с Нелли уедут. Все будет хорошо.

Через двадцать минут он свернул на грунтовую дорогу, ведущую к детскому саду. Здание располагалось у самого моря. После того, как улеглась первоначальная тревога по поводу всех возможных опасностей, ему не раз приходило в голову, что это, должно быть, самый красивый детский сад в Швеции. Бесконечность, вечность, в которой день за днем растут дети, – все это должно сделать из них хороших людей, думалось ему, хотя он и знал, что все гораздо сложнее.

Дети сидели вокруг костра и жарили сосиски. Мартин припарковал автомобиль и поискал глазами сына, наконец увидел светлые вихры и синий комбинезон. Адам не заметил машину отца, и какое-то время Мартин просто сидел и наблюдал за

мальчиком. Сейчас Адам жил в собственном мире, в том самом, где он оказывался, когда родителей не было рядом. Зрелище поразительное, но в то же время Мартину стало немного не по себе от того, что сын оставался самим собой даже в их отсутствие. Вот он запихнул в рот остатки сосиски. Воспитательница протянула ему салфетку, и он принялся вытирать лицо.

Эти милые пухлые губки. Мягкие круглые щечки. Большие глаза, открытые навстречу всему, пока не заметят, что что-то не так. Обычно это касалось Мулле: его забыли дома, или не могли принести сию же минуту, или сам Мулле что-нибудь натворил, обидел другую куклу или плюшевого мишку и не попросил прощения – все печали и радости в жизни так или иначе были связаны с этим тряпичным человечком.

Мартин отодвинул сиденье назад и снял с себя плотное термобелье, которое надевал для дайвинга. Натянул джинсы и свитер, вышел из машины. Когда он захлопнул дверцу, Адам поднял глаза.

– Папа!

Мальчик вскочил и побежал навстречу отцу с распростертыми объятьями.

– Привет, сынок! – Мартин присел на корточки.

Он долго сидел, обнимая Адама, вдыхая резкий запах сосисок и ощущая, как тревога растворяется и уходит.

– Прыгай в машину, а я схожу за твоими вещами и скажу, что ты завтра не придешь.

Когда они выехали на шоссе, уже начало смеркаться. Адам сидел рядом с Мартином в своем детском кресле, установленном против хода движения, и пытался смастерить бумажный самолетик. На мобильный пришла эсэмэска. От Александры.

Купишь попкорн?, а следом большое сердечко.

Мартин улыбнулся и послал ей смайлик-поцелуй в ответ.

Местный магазинчик располагался прямо у дороги, туда заходили в основном жители Хенона, которые не хотели толкаться в большом супермаркете в поселке. Тут можно было купить все необходимые товары на каждый день, а еще в углу стояло несколько столиков и кофейный аппарат.

При желании там всегда можно было обменяться с кем-нибудь парой слов. Народ обсуждал ставки на конных скачках и результаты футбольных матчей. Обычно Адам сидел за одним из столиков и ждал, пока родители купят все необходимое. Иногда какая-нибудь добрая тетя угощала его леденцом на палочке или карамелькой.

– Подожди тут, я скоро, – сказал Мартин, и Адам, не отвечая, тут же побежал и сел на привычное место, на один из плетеных стульев. Мартин быстро взял, что нужно, и направился к кассе.

Стоя в очереди, он бросил взгляд на Адама и увидел, что тот держит на руках Лизу, крошечного пекинеса, которого они часто встречали здесь вместе с его пожилой хозяйкой. Мартин улыбнулся и тихо вздохнул. Он знал, что теперь ждет его на выходных. Все три дня Адам будет говорить о Лизе. Какая у нее мягкая шерстка и как с ней весело играть. Может, им тоже такую завести? Когда уже они заведут собаку? Когда ему исполнится четыре или пять? А ему разрешат самому выбрать кличку?

Расплатившись, Мартин обнаружил, что Лиза исчезла, а вместо нее Адам держит в руках коробочку с леденцами.

– Смотри! – радостно закричал мальчик, гремя коробочкой.

Позади него сидел тучный мужчина лет шестидесяти в спортивном костюме. Мартин его раньше не видел. Мужчина облокотился на палку, подмигнул и произнес хриплым голосом:

– Как-никак, скоро суббота.

* * *

Когда Мартин с Адамом вошли в дом, Александра сидела на кухонном диване, держа на руках Нелли, и просматривала почту. Предвечерние сумерки разбавлял свет бра и двух стеариновых свечей, по радио передавали новости, на кухне пахло пармезаном. На плите стояла кастрюля с ризотто.

- Это ты...? - удивленно спросил Мартин.

- А что ты так удивляешься? - в шутку оскорбилась Александра.

Мартин снял куртку и повесил в прихожей, а Адам сразу побежал к маме, обнял ее и продемонстрировал бумажный самолетик и коробочку с леденцами.

- Мы же договорились, - сказала Александра, у которой было столько принципов в вопросах воспитания, что Мартину просто не хватало сил всем им следовать.

- Это меня дядя угостил.

- Но сладости разрешается есть только по субботам.

- А когда суббота?

- Не завтра, а после завтрашнего дня.

- Ну, тогда они уже закончатся, - гордо заявил Адам. Потом нахмурился и посмотрел на сестру, уснувшую у материнской груди с молочной пленочкой на тонких губах.

- Нелли спит, - констатировал Адам, поглаживая малышку по щеке.

- Ты прав, - прошептала Александра. - Давай не будем ее будить.

Она встала и переложила дочку в старую колыбельку, стоявшую в дальнем углу кухни. В ней спал еще отец Мартина, а потом и сам Мартин.

Вернувшись к Адаму, Александра посадила его к себе на колени. Мартин наклонился и поцеловал ее в губы.

– Как все прошло? – спросила Александра.

По ее голосу Мартин понял, что она напугана. Он подошел к холодильнику.

– Пиво будешь?

– С удовольствием, – ответила Александра. – По телевизору сказали, что кормящим пиво очень полезно.

– Правда? – удивился Мартин.

– Ну, вообще-то, я могла что-то перепутать, – сказала Александра с невинным видом.

Мартин налил два бокала пенистого портера, один поставил на стол перед женой, а сам сел со вторым напротив. Он посмотрел в окно, на малиновый закат, постепенно заливающий небо. Несмотря на шутливый тон Александры, он чувствовал, с каким напряжением она ждет от него ответа.

– Там все хорошо, – сказал он. – Ничего неожиданного.

Он провел рукой по темным жестким волосам, потом по бороде и наконец задумчиво почесал подбородок. Потом покачал головой.

– Думаю, нам больше не о чем волноваться, – произнес он твердо, как будто принял решение, что отныне будет так. – Я правда думаю, что все позади.

Александра подняла бокал и отхлебнула немного пива.

– Будем надеяться, – сказала она. – Будем надеяться.

Ааадам! Аааадам!

Мартин медленно пробуждался ото сна. Протяжные цепочки звуков, образующие имя сына, раз за разом тянулись сквозь сознание. Наконец Мартин окончательно

проснулся.

Кто-то звал Адама?

Или ему приснилось?

Теперь Мартин слышал другой звук, он доносился из комнаты с телевизором, соседней со спальней, и звук этот казался гораздо более знакомым. Чтобы не разбудить Александру, он не стал включать свет, спустил ноги на скрипучий деревянный пол и встал с кровати.

Адам стоял у низкого окошка за телевизором и смотрел на воду, как это и раньше случалось по ночам.

Мартин сел на пол и стал ждать. Обычно, когда Адам ходил во сне, они давали ему столько времени, сколько нужно, но на этот раз Мартину показалось, что процесс затянулся. Он встал, посмотрел на море, потом на сына.

Какой он маленький и одинокий. Совершенно беззащитный. Пижама, которую ему подарили на Рождество, на размер больше, штанишки на талии сползли, теперь брючины достают до пола, рубашка съехала с одного плеча. Месяц светил ему прямо в лицо, покрывая кожу перламутровым блеском, глаза мальчика были устремлены к горизонту.

- Привет, - произнес он вдруг таким ясным голосом, что у Мартина слезы на глаза навернулись. Это был какой-то потусторонний звук.

- Не сейчас, - продолжал Адам, - но скоро. Я скоро приду.

Потом долго было тихо.

Мартин стоял, не шевелясь. Он чувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Такого с Адамом раньше не случалось. Ему что, кажется, будто он с кем-то разговаривает?

Адам вернулся в свою комнату, залез в постель и лег спать. Мартин колебался. Ему хотелось заговорить с сыном, разбудить его, но он остановил себя, они с

Александрой договорились, что не будут этого делать. Они знали, что вопрос о том, надо ли будить лунатиков, остается спорным, но поскольку Адам никогда не подвергал себя опасности во время ночных хождений, они его не будили. Мартин накрыл Адама одеялом, включил ночник в форме спящей кошечки и пошел к себе. Однако долго не мог заснуть.

Адам начал ходить по ночам пару месяцев назад. Они обратились в поликлинику, где их успокоили. Оказывается, у детей такое часто встречается, обычно после какого-то особенного события. Своего рода реакция на стресс. Медсестра объяснила, что это может быть связано с рождением сестренки. В детском саду воспитатели заверили, что Адам ведет себя как обычно, ему всегда нравилось в садике. На том они и успокоились. Мартин погуглил и выяснил, что лунатизм бывает наследственным. Может быть, он тоже ходил во сне, когда был ребенком? Этого он не знал, и подумал, что надо не забыть при случае спросить об этом родителей. А еще поговорить с Александрой.

Проснулся Мартин около шести, когда Александра с Нелли уже выезжали – они должны были провести выходные в Копенгагене с сестрой Александры Моникой. Жить в отеле, ходить в спа. С ними ехала соседка Моники, опытная няня, так что у Александры был шанс тоже немного отдохнуть, пообщаться с сестрой и выйти в город.

Александра поцеловала Мартина в лоб, от нее исходил легкий аромат магнолии – духов, которые он ей подарил. Затем дала ему подержать Нелли, Мартин провел пальцами по мягкой щечке малышки. Все происходило в такой спешке, что Мартин не успел рассказать Александре о ночной сцене. Может, и к лучшему, ему не хотелось ее волновать. С тех пор, как четыре месяца назад родилась Нелли, Александра постоянно занималась детьми и заслуживала небольшой передышки.

– Берегите себя, – прошептал он.

– И вы, – ответила она, тоже шепотом.

Час спустя он встал, натянул халат, заглянул к Адаму, который по-прежнему спал, и спустился вниз. На кухне он поставил варить эспрессо. Потом налил себе грейпфрутового сока и вышел в деревянных башмаках на улицу за газетой.

Там все еще было темно. Скованный холодом сад стоял неподвижно, а за небольшим холмом виднелось море и ближайшие островки. Пролив Скагеррак, вытянутый и дикий.

Какое-то время он стоял в желтом свете кухонного окна и наслаждался спокойствием. Он чувствовал себя одним целым с островом, морем, домом. Хотя в детстве он жил здесь с семьей только летом, он всегда воспринимал это место как свой дом. В этом были свои плюсы и минусы. Во всяком случае, почти все воспоминания детства он сохранил именно отсюда.

С моря донесся глухой крик выпи. Какой неприятный звук, неудивительно, что в старину крестьяне верили, будто это воют злые духи.

Содрогнувшись, Мартин вошел в дом.

* * *

Его родители приобрели дом за восемьдесят тысяч крон в семидесятые, как только поженились. Им хотелось иметь собственное гнездышко в родных краях отца на острове Уруст, выращивать летом клубнику, купаться и рыбачить с лодки. Двухэтажный деревянный дом на шестидесяти пяти квадратных метрах с верандой и пятью небольшими красивыми комнатами, – предел мечтаний. Но чем старше они становились, тем реже покидали свою удобную виллу в Уддевалле.

После окончания гимназии Мартин начал изучать биологию в университете Гетеборга. Снял через посредника маленькую квартирку в районе Майорна, которую потом с помощью родителей выкупил. Однако теоретические знания были ему неинтересны, и после первого же семестра учебу он бросил. Устроился продавцом в спортивный магазин в ближнем пригороде. Временно, как он говорил, а сам думал, чему же посвятить жизнь. Так и остался. Нельзя сказать, чтобы ему там нравилось или не нравилось, он просто вставал по утрам и шел на работу. Вечера чаще всего коротал дома. Он не сильно любил всякие увеселения, да и друзей у него в Гетеборге было мало. На выходные он уезжал на Уруст и наслаждался домом и садом, которые оставались в полном его распоряжении. В детстве он проводил там каждое лето, ездил туда на все каникулы, а когда ему исполнилось пятнадцать лет, записался в школу дайвинга

в Хеноне. После многочисленных курсов повышения квалификации он получил международный сертификат. Имея стабильную зарплату и скидку для персонала, он со временем поменял свое снаряжение на более современное и в течение всего года старался использовать каждую возможность, чтобы заняться дайвингом на острове. Он мечтал когда-нибудь накопить денег и поехать понырять в более теплых водах.

Когда Мартину предложили работу на крупной устричной ферме на острове Уруст, родители разрешили ему поселиться в доме, а он пообещал следить за ним и поддерживать порядок. Похоже, они были только рады, что дом в надежных руках, и Мартин тут же уволился из магазина.

Получив разрешение от родителей, на деньги с продажи своей однушки Мартин аккуратно отремонтировал дом. Провел электрическое отопление, заменил кое-что на кухне, оборудованной еще в пятидесятые годы, обновил ванную, отшлифовал красивые дощатые полы и покрасил все стены из сосны в белый цвет. Переделав домик под себя, он полюбил его еще сильнее. Внутри этих стен появилась какая-то особая чистота и свежесть, дом словно задышал, а все старое просто испарилось.

В тот день, когда он перевез сюда Александру, он почувствовал, что у него есть все, о чем он мечтал. Они станут семьей. Мартин откроет собственную, пусть и небольшую, устричную ферму. Так оно и вышло, пусть и понадобилось несколько лет, и вначале казалось, что все идет хорошо.

А потом начались проблемы.

С Александрой он познакомился прекрасным субботним вечером в «Слюссене», пансионате с рестораном, где летом играла живая музыка, сразу через пару лет после того, как переехал на остров. Роберт долго уговаривал его сходить куда-нибудь вечерком. Роберт вырос на Урусте, Мартин дружил с ним с самого детства – мальчики каждое лето проводили вместе. С тех пор, как Роберт женился на Лие, друзьям нечасто выпадала возможность сходить вдвоем в бар.

Александра первая с ним заговорила. Она подошла к Мартину и пригласила его танцевать, когда он стоял один у барной стойки с пивом в руке.

Он колебался – танцевать ему никогда не нравилось.

– Но ты же не можешь простоять так весь вечер, – сказала она с улыбкой. – Это ведь танцы, здесь положено веселиться. Знакомиться с людьми. Общаться. Пойдем.

Она вытащила его на танцпол, а потом, натанцевавшись, они, вспотевшие и довольные, сели за столик и заказали по кока-коле – Александра была за рулем. Роберт разговаривал с какими-то друзьями в другом конце зала, он был знаком практически со всеми местными жителями. Александра и Мартин понравились друг другу с первой минуты. Маленькая стремительная блондинка, она была его полной противоположностью.

Возвращаясь домой тем вечером, он уже знал, что влюблен без памяти. Его так вдохновило общение с ней, что он даже немного испугался. Разговор получился простым и естественным, они рассказывали о себе, прикасались друг к другу. Обычно такие вещи давались ему с трудом. Что она скажет, когда узнает его истинное «я»? Или, возможно, этот новый, легко идущий на контакт Мартин и есть его истинное «я», которое Александре удалось в нем открыть?

Несмотря на почти тридцатилетний возраст, у него никогда еще не было длительных серьезных отношений, не было девушки, с которой хотелось бы жить вместе до конца дней. Зато он всегда мечтал о детях. Причем детей должно быть много – по собственному опыту он знал, как одиноко бывает без братьев и сестер, как пусто и тихо.

Александра работала в библиотеке на острове Уруст, ездила каждый день из Гетеборга, где она выросла и где по-прежнему жили ее родители. Совсем недавно она рассталась с мужчиной, политиком из Партии зеленых, с которым прожила несколько лет.

Была в ней прямота и живость, благодаря которым она легко преодолевала молчаливое спокойствие Мартина, находила новые пути, как вода, омывающая голую неприветливую скалу. Они встречались все чаще. Засиживались допоздна, слушали ее пластинки, пили его виски, обсуждали выбор пути, сделанный в прошлом, мечтали о будущем.

Не прошло и полугода, как она забеременела и переехала к нему.

* * *

Когда он вернулся с газетой, Адам стоял в дверях с Мулле в руках и дрожал от холода, вид у него был заспанный. Мартин крепко обнял сына, и они вошли в дом, где вместе разожгли старую дровяную печь и принялись жарить блинчики.

– А можно мне шоколадной пасты к блинам? – спросил Адам.

– Знаю, ты ее очень любишь, но у нас нет шоколадной пасты, мы забыли вчера купить. К тому же каждый день такое есть нельзя, это ведь тоже сладости. Зубные тролли тоже обожают шоколадную пасту, ты же знаешь.

– А завтра?

– Посмотрим. Мы можем снова съездить в магазин, завтра ведь суббота.

– А сегодня что, вторник? Или пятничные посиделки?

– Пятница. День недели называется просто пятница.

Они завтракали не спеша. Адам рисовал на тарелке картинки из кусочков блина и варенья, Мартин просматривал газету и вполуха слушал новости.

Он положил Адаму еще один блин.

– Ты сегодня хорошо спал, Адам?

На мгновение мальчик задумался, затем кивнул.

– Значит, это не вы с Мулле охотились на драконов в саду? Мне показалось, я слышал ржание твоего коня.

Адам прыснул и помотал головой. Он обожал эти шутки про драконов.

– Нет, спал хорошо.

Над кухонным диваном монотонно тикали большие настенные часы. В прихожей приоткрылась кошачья дверка, и на кухню с гордым видом вошла серая полосатая кошка, лениво, но в то же время требовательно мяукая. Адам спрыгнул со стула, подбежал к кошачьей миске и положил в нее корма из стоящей рядом консервной банки.

– Ну что, Филифьонка, – сказал он, осторожно глядя кошку по спине, пока та со зверским аппетитом поглощала еду, – поймала сегодня ночью мышку? Или маленького дракончика?

На улице светило бледное солнце, и Мартин решил не наводить порядок на кухне сразу после завтрака. Вместо этого они оделись и вышли в сад. К полудню они пробыли на улице не меньше двух часов. Мартин убрал из сарая инструменты, которыми они не пользовались, сгреб изъеденные морозом, полусгнившие листья с лужайки и грядок, поправил покосившуюся стенку компостной ямы.

Теперь небо было затянуто плотными белыми облаками.

– Проголодался? – спросил Мартин Адама, который стоял у игрушечной плиты и варил суп из улиток с сосновой хвоей и блестками.

– У меня же тут есть еда.

– Уверен, что ничего, кроме супа, не хочешь?

– Ну, немножко можно. Булочку. Я хочу булочку.

– Булочек у нас, кажется, нет, но я могу сделать бутерброды, – сказал Мартин. – И сварить горячий шоколад. Мы можем устроить пикник у воды.

– Да, хочу! – просиял Адам.

– Вот и хорошо. Беги за своим ведерком, а я зайду в дом приготовить нам еды.

– А можно, я возьму велосипед?

– Нет, ты же знаешь, зимой слишком скользко, мы об этом говорили.

Адам научился кататься на велосипеде как раз перед тем как выпал первый снег, и ему было трудно принять тот факт, что его трехколесного друга придется отставить до весны.

– А Мулле можно?

– Нет, думаю, Мулле мы оставим дома. А то он еще промокнет, ты ведь знаешь, как брызгаются волны. К тому же кто-то должен охранять дом, пока нас не будет.

Адам с серьезным видом кивнул.

Некоторое время спустя они были готовы. Мартин сложил в корзину термосы с кофе и какао, бутерброды с куриной грудкой и два банана, Адам взял красное пластмассовое ведерко.

Мартин представил себе, как будет сидеть на скамейке и смотреть на Адама, пока тот, как обычно, собирает камушки. У него уже образовалась приличная коллекция, которую он хранил под кроватью в старой жестяной банке. А «самые любимейшие» лежали в хрустальной вазочке с водой на журнальном столике перед телевизором. Они ждали своего часа – Мартин обещал купить Адаму аквариум, когда сын подрастет. Вместо собаки, надеялся Мартин, но вслух этого, конечно, не произносил.

Когда они были уже в дверях, зазвонил телефон. Теперь на стационарный номер звонили очень редко, только иногда родители Мартина или Александры или какой-нибудь продавец. Сначала Мартин не хотел брать трубку, но потом решил, что если это его мама, можно попросить, чтобы они купили по дороге шоколадную пасту, тогда Мартину с Адамом не придется ехать в магазин. Родители Мартина собирались заехать ближе к вечеру.

– Подожди меня на улице, – велел Мартин Адаму.

– Хорошо.

– Можешь пока поиграть, я скоро приду, – он протянул сыну старый кнопочный мобильник, который лежал на полочке в прихожей.

Адам посмотрел на него своими огромными голубыми глазами. Потом уселся на крыльце, с телефоном в одной руке и ведерком в другой, и принялся нажимать на кнопки.

Удаляясь на кухню, Мартин слышал его нежный голосок:

– Один, два. Четыре, семь... Алло, дракон...

– Это Мартин, я слушаю.

– Привет, Мартин.

– Здравствуй, папа.

На том конце провода долго молчали. Общение друг с другом никогда не давалось им легко.

– Что-нибудь случилось? Вы хорошо себя чувствуете? Мама...

– У нас все прекрасно. Я просто хотел... хотел спросить, пока твоей мамы нет... как там с фермой? Все в порядке, они подрастают? Я имею в виду, устрицы. Никаких проблем?

– Мы как раз собираемся... – Мартин бросил взгляд на дверное стекло, на крыльце виднелась зеленая куртка Адама.

– Ты же знаешь, я с самого начала считал необдуманным твой поступок. Вот так уволиться и начать свое дело... я тебе об этом говорил. Это рискованно.

Мартин вздохнул. Для того, чтобы начать выращивать устриц, ему пришлось одолжить денег у родителей, но все пошло не так, как он запланировал. Чувствуя, что его застали врасплох, Мартин пустился в пространные рассуждения о том, почему дело идет не так гладко, не упоминая при этом основных проблем. Ему не хотелось, чтобы родители волновались.

– Все наладится, нужно просто больше времени, – закончил он свою оправдательную речь.

– Если повезет, сможешь вернуться на ферму Свена, ему всегда нужны люди.

Мартин закрыл глаза. Ну давай, добивай меня, папа. Он чувствовал, как к горлу подступает желчь. Сейчас он скажет что-нибудь такое, от чего его отношения с отцом испортятся окончательно.

– Давай поговорим об этом в другой раз, меня ждет Адам. Увидимся через пару часов. Пока.

Повесив трубку, Мартин стоял какое-то время, размышляя. Чего на самом деле хотел отец? Он никогда не звонил просто, чтобы поболтать. Обычно звонила мама. Неужели прошел слух, что у Мартина проблемы с фермой? У папы по-прежнему много знакомых на острове. Мартин попытался стряхнуть с себя неприятное чувство. Он вышел на крыльцо и взял корзину.

И тут же заметил это. В зеленой дутой куртке, которую он видел через стекло, не было Адама. Должно быть, он снял ее, просто аккуратно выполз из куртки, а плотная ткань осталась стоять, прислоненная к ступеньке. В тот же момент, как Мартин посмотрел на куртку, она упала от порыва ветра.

Мартин поднял взгляд, но увидел лишь деревья.

– Адам?

Сначала он обошел дом, все громче выкрикивая имя сына. Дошел до качелей. Никого. Проверил песочницу. Никого. Добежал до кустов, где летом обычно водились ежи. Там тоже никого. Заглянул в сарай – трехколесный велосипед на месте.

Мартин выбежал на дорогу, огляделся по сторонам, но Адама нигде не было видно. Мартин кинулся к деревьям, несколько минут метался между ними, два шага туда, два шага сюда, крик его становился все более напряженным, сердце билось все сильнее. Потом он побежал к морю. Спотыкаясь о корни, поскользываясь, наступая на камни. Миновал полянку справа, продолжил путь к воде.

На берегу дул ветер, в голове эхом отдавался шум волн, разбивающихся о скалы.

В сознании проносились картинки одна ужаснее другой. Охваченный паникой, Мартин молился, чтобы лицо Адама вдруг появилось там, у мостков, склоненное над плоскими камушками, или вон там, за большим кустом, или за той скалой. Но куда бы ни поворачивался Мартин, всюду было тихо и пусто, Адама нигде не было.

Вместо этого Мартин заметил кое-что у большого камня, который всегда служил им ориентиром – там достаточно глубоко, можно нырять. Вот там-то оно и лежало, поблескивая, словно загадочный плод из другого мира, из враждебной реальности, которая никогда раньше не вторгалась в его измерение, по крайней мере, таким грубым образом.

Красное ведерко Адама плавало в воде у самого берега.

У горизонта золотистая полоска света прорезала плотное грязно-белое одеяло из облаков, как будто кто-то осторожно раздвинул жалюзи и впустил на землю кусочек небесного царства.

Свет отражался в легких барашках на воде между сильными порывами ветра, создавая теплый контраст на фоне разверзающихся темных глубин.

– Вот так будет хорошо, – простонала Майя, с трудом продвигаясь в носовую часть и пытаясь удержать объектив камеры под ровным углом к поверхности воды, так, чтобы ее отражение не попало в кадр.

Вокруг талии она повязала ремень, какие обычно используют альпинисты, а к ремню с помощью карабина прикрепила веревку. Креплением для другого конца веревки и противовесом служил Бекке.

Он сидел, откинувшись, в маленькой лодочке, одетый в рабочую куртку, непромокаемые штаны и высокие резиновые сапоги, было видно, как он наслаждается игрой света на небе, раскинувшемся над ним.

– Я прожил на этом острове всю жизнь, – сказал он. – Но мне никогда не доводилось столько смотреть на небеса.

– Мне тоже, – согласилась Майя. – Правда, я жила в основном среди небоскребов или в лесу.

Она выпрямилась и схватилась за поясицу, потом отложила камеру и потерла окоченевшие руки – чтобы работать с камерой, пришлось надеть перчатки с обрезанными пальцами.

– Черт, ну и холодина, – сказала она.

– Иди сюда, – произнес он и потянулся к ней.

Она положила руки на его ладони, и он начал согревать ее замерзшие пальцы своим дыханием.

– Это небо меняется, потому вода и выглядит каждый день по-разному, – продолжала она.

– Только из-за этого? Из-за неба?

– Ну и от ветра, конечно. Может быть, влияют и частички в воде. Но в основном небо.

– Я, собственно, никогда и не замечал, что вода как-то меняется. Пока не увидел твои фотографии, – сказал Бекке.

* * *

Они были знакомы всего несколько месяцев. Она ехала на акупунктуру лечить травмированный на теннисе локоть, заплутала и тут увидела его в саду – саду, заваленном, как ей показалось, всяким металлоломом. Он жег в бочке ветки и листья, а она высунулась из машины и спросила, не знает ли он, где находится улица Смарагдвэген.

– Это совсем другая часть острова, – сказал он, снимая перчатки. Она видела, как изо рта у него вырывается пар, смешиваясь с дымом из бочки.

– Вот черт, – вырвалось у нее. – Значит, я уже не успею.

Тогда он пригласил ее на чашечку кофе в свое ателье, оборудованное в старом фургоне, где повсюду лежали эскизы и модели, а также стояли два потертых кресла, в которых они и устроились.

Оказалось, что Бенгт-Оке, или Бекке, работает скульптором, а ржавые металлические конструкции в его саду – материал для нового проекта, скульптуры, которую должны были установить на площади в одном небольшом шведском городке.

Потом она позвала его к себе с ответным визитом, и они начали встречаться регулярно. Она даже мельком познакомилась с его сыном Йокке, длинноволосым зоозащитником, который был плодом мимолетной связи, случившейся двадцать лет назад, и теперь жил в коллективе единомышленников за городом, недалеко от Гетеборга. Бекке обычно говорил о сыне и его образе жизни с легкой иронией, но Майя сразу поняла, что в последнее время он сблизился с сыном, хотя пока тот был маленьким, он не принимал в жизни мальчика большого участия. Теперь у них, кроме друг друга, никого не осталось. Мать Йокке, которая вырастила сына одна, умерла от рака несколько лет назад, а Бекке так и не женился – может быть, конечно, у него и были с кем-нибудь серьезные отношения, но Майе он о них никогда не рассказывал. Они вообще редко говорили о прошлом, впрочем, и о будущем тоже, Майе так было комфортнее.

Однако роман с Бекке развивался совсем не так, как это обычно бывало у Майи. Она в принципе была не готова к отношениям, к тому же ее тревожил тот факт, что он по-настоящему что-то делал с ней, затрагивал самые сокровенные

струны, подбирался к ее душевным ранам.

Майя привыкла к несерьезным связям, часто встречалась с несколькими мужчинами одновременно. Она бы не назвала это страхом, скорее чувством защищенности, нежеланием сблизиться всерьез. А детей она никогда не хотела.

Просто для нее большее значение имели другие вещи: ее искусство, работа, которая требовала энергии и самоотдачи.

Когда она приняла решение на время переехать на Уруст, ей и в голову не приходило, что она столкнется с необходимостью решать, что она думает по поводу настоящей любви. И среди всех пробуждающихся теперь чувств присутствовала и некая досада на то, что все складывается именно так. Однако у нее не было никаких оснований полагать, что это надолго. Прошлой весной Майя ощутила непреодолимое желание провести предстоящие теплые месяцы у моря. Через знакомых она узнала об одной женщине, жившей в экопоселении на острове Уруст и мечтавшей на время сменить обстановку, и вот, в начале мая, они взяли и поменялись жильем – Майя предоставила Агнете свой огромный коттедж в Дальсланде, а сама переехала в малюсенький домик на Урусте.

В этом доме она ощущала себя как в маске для плавания. Жилая площадь составляла всего тридцать пять квадратных метров плюс большой чердак-спальня; в доме имелось одно огромное арочное окно, выходившее на долину и море. На окне были установлены электрические жалюзи на пульте управления, благодаря которым меньше чем за полминуты помещение можно было полностью затемнить.

Переезжая на Уруст, Майя сознательно взяла с собой минимум вещей. Она чувствовала потребность отбросить все лишнее и впустить в свою жизнь что-то новое. В итоге от растерянности она начала бегать, хотя раньше никогда этого не делала. Теперь же она совершала пробежку несколько раз в неделю и... ей это нравилось. Кроме того, ей ничего не оставалось, как начать понемножку готовить – за предыдущие годы она привыкла к тому, что ее ассистентка периодически заполняет холодильник полуфабрикатами, которых Майе вполне хватало, даже с лихвой. И все-таки на острове Уруст ей повезло. Она подружилась не только с Бекке, но и с соседкой по имени Лия, которая прекрасно готовила и охотно приглашала Майю на ужин.

В первый же свой летний сезон Майя наблюдала за тем, как народ стягивается из городов, особенно из Гетеборга, на этот скалистый, продуваемый всеми ветрами остров у западного побережья; в результате население в пятнадцать тысяч человек летом почти утраивалось. Море приветственно поблескивало бирюзой, его наполняли купальщики и любители яхт, нагретые гладкие камни так и манили к себе отдыхающих, а перед киосками с мороженым и вафлями выстраивались очереди.

Это было беззаботное время.

Майя ни о чем не думала, надолго отключала мобильный и просто наслаждалась солнцем и соленой водой.

Так шли недели, одна за другой, а к сентябрю Майя должна была вернуться домой. Однако на Урусте началась новая жизнь, которая все больше ее затягивала.

Небо как будто медленно сжималось, накрывая остров плотной крышкой. Скалы казались теперь неприятными, отталкивающими, словно хотели, чтобы их оставили в покое, избавили от множества загорающих тел. Камни как будто вдруг превратились в отвесные утесы, уходящие в темнеющую воду, которая становилась все более загадочной и неизведанной.

Все это пугало, но в то же время и манило к себе самым таинственным образом.

Майю никогда раньше не интересовало море, по крайней мере, как феномен. А теперь она испытывала необъяснимое восхищение. В конце концов, она решила узнать, нельзя ли продлить договор по обмену жильем.

Оказалось, можно. Женщина, которая жила в ее доме, работала переводчицей и писала картины, она прекрасно себя чувствовала в лесу с Майиным котом по кличке Ман Рэй. Поблизости, в Фенгерскуге, находилась школа искусств, а также поселение художников, имелись кафе и ресторан, регулярно проводились выставки и концерты.

А Майя, тем временем, занялась фотопроектом, суть которого заключалась в том, чтобы снимать море, саму воду и косвенно отражающееся в ней небо. Майя заметила, что ей нравится работать с фотографией, образы проходили у нее

перед глазами, как меняющаяся погода, запечатлевались в сознании как напоминание о том, что все в жизни меняется, мгновение не удержать, хотя именно это она пыталась сделать – ведь к этому, противоположному, состоянию неподвижности и стремилось всякое фотоискусство.

Остановить неизбежно убегающее время.

* * *

– Мы закончили?

Майя кивнула и отстегнула карабин, а Бекке принялся грести по направлению к острову. Когда до земли оставалось несколько метров, они оба выскочили из лодки и вместе затащили ее на берег и перевернули.

Я не просто познакомилась с мужчиной, иногда думала она, довольная собой. Она познакомилась с мужчиной, у которого есть лодка. Сначала она даже не думала, что это может как-то пригодиться, но бывает, вселенная посылает ответ на наш запрос, прежде чем мы успеваем его сформулировать.

Они заехали к Бекке, Майя забрала свою машину и отправилась домой. Эту ночь они собирались провести каждый у себя. Майя обещала Лие и ее мужу Роберту помочь покрасить стены в гостиной, а Бекке договорился с сыном, что поужинает у него и его друзей.

– Смотри, не надень какую-нибудь кожаную одежду или обувь, – сказала Майя, подмигивая, когда они расставались.

– Обещаю. А мясное рагу, которое я приготовил, положу в берестяной короб, – пошутил он. – Береги себя, моя жемчужинка.

Он все время ее так называл, своей жемчужиной, она даже не знала, как к этому относиться.

– Это потому, что благодаря тебе моя жизнь переливается всеми цветами, – объяснил он как-то, и по необъяснимым причинам прозвучало это вовсе не глупо, но она даже не поняла, почему.

Однако главным бонусом при переезде на остров стало знакомство с Робертом и Лией. Так думала Майя, пока быстро принимала душ. Она закинула в себя пару бутербродов, надела джинсы и свитер. Защитную одежду, в которой она должна была красить, ей обещали дать.

Лия с Робертом рассказывали ей, что, когда семь лет назад они решили стать частью экопоселения, то дали себе обещание жить в гармонии с природой, выращивать овощи на своем огороде и стараться беречь окружающую среду. Майя сама никогда о подобных вещах не задумывалась, и ее очень впечатлил такой резкий поворот в жизни соседей.

* * *

Когда Лия познакомилась с Робертом, она работала официанткой в ресторане быстрого питания, а он был финансистом. Вскоре они поженились и приобрели дорогую квартиру в районе Сёдер. Через несколько лет напряженный темп работы и бесконечные сверхурочные Роберта привели к вполне логичным последствиям. Он стал плохо спать, чувствовал постоянную усталость, участились головные боли. Уверенный в том, что подхватил клещевой боррелиоз, Роберт посетил целую вереницу врачей и перепробовал все возможные лекарства – безрезультатно. Больничные становились все более продолжительными, и в конце концов ему поставили диагноз «выгорание».

Лия понимала, что ему вряд ли станет легче, если он будет целыми днями находиться дома. Утром, когда она уходила на работу, он спал, а когда возвращалась, лежал перед телевизором, по-прежнему в пижаме. У самой Лии начались проблемы со спиной и плечами.

Когда она предложила сбавить обороты и несколько лет пожить в более спокойном ритме, Роберт не возражал. Он вырос на Урусте, там по-прежнему жили его родители, поэтому Роберт с Лией решили, что остров может стать для них хорошей альтернативой. Лия родилась и всегда жила в Стокгольме, но после свадьбы они с Робертом не раз проводили отпуск на Урусте, и Лия успела полюбить мирное течение жизни на острове. А еще она надеялась, что мама Роберта, владелица небольшого цветочного магазинчика в Хеноне, сможет помочь привести Роберта в чувство. Кроме того, на Урусте жил его лучший друг Мартин, что тоже было явным плюсом.

Посетив экопоселение, которое тогда только строилось, Роберт с Лией оба загорелись этой идеей. Домики располагались прямо у моря, все выглядело таким милым и эстетичным. Денег от продажи стокгольмской квартиры хватило на то, чтобы построить дом по выбранному ими проекту, еще и осталось немного подъемных. Теперь переезд уже не казался им бегством, это было скорее приключение, новый образ жизни и мышления.

Когда дом уже был практически готов, Лие удалось устроиться на работу на острове – поваром в школьной столовой, а еще она с головой окунулась в бурную общественную жизнь городка. Пока шла стройка, состояние Роберта постепенно улучшалось, благодаря связям отца его взяли на полставки администратором в мэрию, где ему, к его собственному удивлению, вполне неплохо работалось. В период туристического сезона он помогал маме в цветочном магазине. Через некоторое время выяснилось, что Лия ждет ребенка, – произошло то, чего они так ждали все те годы, пока работали на износ в Стокгольме.

Постепенно жизнь в поселении приобрела черты идеального совместного существования, способного выдержать любые внешние перипетии.

* * *

Они уже собирались начать, когда в дверь постучала Майя. Решено было сначала выпить кофе.

– Хочешь чашечку? – спросила Лия. – Я булочки испекла.

Расположившись за кухонным столом, они наслаждались теплой ванильной выпечкой, только что снятой с противня.

– Знаешь, – сказала Лия, – я всегда мечтала стать такой классической мамой, которая печет пирожки. И вот я ею стала.

Роберт улыбнулся и потрепал ее по щеке.

– Иногда мечты сбываются, – заметила Майя. – Вот я всегда мечтала стать знаменитой, и наконец стала.

– Значит, для тебя движущей силой были лучи славы, а не фотография как высокое искусство? – засмеялась Лия.

– Точно. Но вы же знаете, что вас ждет, если вы об этом кому-нибудь расскажете?

– Обещаю держать рот на замке. Возьми еще булочку, – предложила Лия. – А потом начнем.

Они принялись обсуждать, как лучше построить работу: сначала оклеить скотчем рамы и дверные коробки, потом покрасить углы, а затем уже покрасить валиком большие поверхности.

– А я займусь Вильготом и буду на подхвате, – сказала Лия. – Но сейчас он спит, так что успею немного покрасить вместе с вами.

У Роберта зазвонил мобильный телефон. Сначала Майя не обратила особого внимания на разговор, но вскоре поняла – произошло что-то экстраординарное. Долгие паузы прерывались фразами, от которых веяло едва сдерживаемым отчаянием.

Повернувшись к Роберту, она увидела, как его лицо постепенно бледнеет и меняется.

– Что случилось? – прошептала Лия, когда он повесил трубку.

Роберт долго сидел молча, глядя на них страдальческим взглядом, словно не мог поверить в то, что услышал.

– Звонил Мартин, – ответил он наконец.

Снова молчание.

– Адам исчез, – произнес он.

– Исчез? Откуда? – спросила, задыхаясь, Лия.

- Из дома. Все выглядит не очень хорошо. Ведерко Адама нашли в воде.

- О боже, - прошептала Майя. - Когда это случилось?

- Пару часов назад, как я понял. Мартин так... невнятно говорил. Полиция обыскала близлежащую территорию, а теперь сюда везут собак, будут искать в воде.

- В воде? - повторила Лия.

- Ну, с лодки.

Все трое серьезно посмотрели друг на друга.

- Я слышала много рассказов от друзей о том, как их дети пропадали, а потом находились где-нибудь в доме, где они прятались от родителей, - тихо сказала Майя, словно пытаюсь утешить друзей.

- Да, но дом у них небольшой, думаю, к этому моменту его уже как следует обыскали.

- Я должен поехать к нему. Покраску отложим, - сказал Роберт. - Лия, ты со мной? Может быть, ему понадобится наша помощь.

- Нет, мы с Вильготом останемся, - ответила Лия. - Наверное, Мартину будет тяжело видеть, как по дому бегают чужой маленький мальчик.

В этом вся Лия, подумала Майя. Рассудительная и чуткая. Она всегда смотрела на шаг дальше, в отличие от импульсивного и чувствительного Роберта.

- Если хочешь, я могу поехать с тобой, - предложила Майя, почувствовав, что Роберт и сам нуждается сейчас в поддержке.

- Да. Спасибо.

- Передай им от меня привет, - сказала Лия. - И обними их.

* * *

Пять минут спустя Майя с Робертом уже ехали на машине по петляющей грунтовой дороге, по обе стороны от которой были разбросаны домишки. Дорога шла в сторону шоссе, ведущего к морю. Из баньки на берегу выскочили двое голых мужчин и побежали с дикими криками по мосткам, расставив руки и высоко поднимая ноги. Спустившись по лесенке, они окунулись, пыхтя и отфыркиваясь.

Майя с Робертом ехали молча, теперь дорога шла через лес.

Через некоторое время они миновали старую мельницу и по пустым узким дорогам добрались до скал, где перед ними открылось море.

В местечке Нэсунд они свернули направо и поехали в сторону воды. У края дороги то и дело виднелись сугробы.

На небольшой площадке у самого берега стояли полицейский автомобиль, карета скорой помощи и пара других машин. Среди голых деревьев мелькали фигуры людей.

Роберт проехал еще немного, потом завернул в открытые железные ворота и остановился рядом со старым рыбацким домом – красивым двухэтажным строением из дерева. На парковке стояло еще два автомобиля.

Роберт с Майей вышли из машины и осмотрелись.

Здесь все было спокойно. Похоже, основные поиски велись у воды.

Когда пропадает человек, подумала Майя, всегда есть надежда, что все закончится благополучно, и это плюс. Но впереди нередко ждет горе – это минус.

Она вдохнула влажный морской воздух. В свете фонарей люди двигались как тени.

– Я зайду в дом, проверю, – тихо сказал Роберт.

Майя последовала за ним.

От дровяной печи по-прежнему веяло приятным теплом – похоже, ее топили пару часов назад. На конфорке стояла сковородка с подгоревшим блином, а в мойке – две тарелки с остатками варенья. За столом сидел мужчина лет тридцати пяти, с темной бородой и бледной кожей. Напротив него – пожилая женщина с похожими чертами лица. Майя догадалась, что это его мать.

– Роберт, – произнес Мартин.

Голос не слушался его, выходил только приглушенный шепот.

– Мартин, – сказал Роберт, подошел к другу и обнял его.

Когда Мартин снова сел, его ноги начали постукивать по деревянному полу, словно он не знал, куда себя деть.

– Они говорят, что я должен оставаться тут и ждать, – пробормотал он. – Полицейские. На случай, если Адам вернется домой.

– Разумно, – ответил Роберт.

– Но я хочу искать под водой.

– А вот это не очень разумно. Точнее, полное безумие.

– Водолазы уже сидят наготове. Но сначала собака должна учуять что-то с лодки. Не понимаю, как это возможно – унюхать то, что находится под водой. Я даже не знаю, на что мне надеяться. Если они что-то найдут, то... в такой холод. И столько времени прошло.

Он содрогнулся всем телом, из него буквально сочилось отчаяние.

– Не знаю, знаком ли ты с Майей, – сказал Роберт.

Мартин помотал головой. Они с Майей пожали друг другу руки, а потом Майя обошла стол, чтобы поздороваться с пожилой женщиной.

– Я мама Мартина, – тихо сказала женщина.

– Где Александра? – спросил Роберт.

Повисла пауза.

– Она со своей сестрой, сейчас возвращается из Копенгагена, – ответил наконец Мартин. – Они с Нелли будут тут через несколько часов. Ее родители тоже едут сюда. И мой отец здесь, на берегу.

– Можно я немного осмотрюсь? – спросила Майя, которая чувствовала себя лишней, ведь рядом с Мартином находились его мать и лучший друг.

Мартин кивнул, но Майе показалось, он даже не понял, о чем его спрашивают.

Дом оказался небольшим и красивым. Аутентичный, пронеслось в голове у Майи. Для дома, где живет семья с двумя детьми, вещей было совсем немного. Майя задумалась почему. Из-за принципов или отсутствия интереса? Или просто из-за недостатка средств?

На одной из дверей красовалась яркая надпись АДАМ, сложенная из деревянных букв, и Майя решила заглянуть туда. Она вспомнила одну статью, в которой было написано, что у среднестатистического шведского ребенка около пятисот игрушек, причем все наборы лего считаются как одна единица.

Из дебатов в прессе и на телевидении у Майи сложилось впечатление, что даже у самых маленьких детей есть собственный телевизор или, по крайней мере, планшет. Теперь ведь даже двухлетки не вылезают из сети.

Однако в комнате Адама избытка не наблюдалось.

Вдоль стены тянулся стеллаж с фотографиями и игрушками. Тут пазл, там машинка. Ящик с деревянными кубиками и гора мягких игрушек.

На стенах рисунки, фотографии рыб и прочих морских обитателей, множество изображений драконов всех размеров и мастей. Кровать помятая, как будто мальчик только что встал с постели. На подушке тряпичная кукла с потрепанной головой.

Майя присела на корточки и положила ладонь на мятую простыню. Наклонилась и заглянула под кровать. Ничего не увидела, кроме жестяной коробки и нескольких клубов пыли, которые заплясали от ее движений.

Майя достала коробку и открыла. Внутри лежала целая коллекция камней: гладких, круглых, в форме сердечка, напоминающих стекло. Майя провела по ним рукой и, подняв взгляд, выглянула в ближайшее окно, которое выходило на замерзший сад.

В спальню Мартина и Александры, где виднелась не застеленная двуспальная кровать, Майя заходить не стала, чтобы не вторгаться в столь интимное пространство, а вот соседняя комната с телевизором показалась ей не такой личной. Отсюда, если смотреть между деревьев, открывался вид на море. Майя видела людей на берегу, движение – кто-то на скалах, кто-то в воде, а кто-то на парковке.

Она заметила, что так и держит в руке камушек, ощущает кончиками пальцев его гладкую поверхность.

Адам, подумала она и представила перед собой маленького светленького мальчика с круглыми щеками, которого она видела на фотографиях.

Адам, Адам.

Куда же ты пропал?

Майя вернулась в комнату мальчика и взяла одну из фотографий. Может быть, полиции она понадобится, если будет решено продолжить поиски на суше. Затем Майя вернулась на кухню, где Роберт сидел, положив руку на плечо друга.

– Я схожу туда, – прошептала Майя, кивая в сторону моря. Она незаметно протянула Роберту фотографию.

Выйдя на улицу, она постояла на крыльце, а потом медленно зашагала по направлению к берегу. С одной стороны вдоль сада тянулись яблони и живая изгородь из шведской рябины, которой из года в год приходилось вести неравную борьбу с неутомимыми западными ветрами. Стволы и ветви превратились в застывшие фигуры с костлявыми кривыми руками и ногами, склонившиеся под невидимым гнетом ветра.

По другую сторону росли приклонившиеся к земле лиственные деревья и сосны. Под ногами у Майи хрустели желуди, мелкая хвоя и полусгнившие прошлогодние листья. На ветвях деревьев жемчужными бусами застыли капли воды, они были повсюду, сотни, тысячи перламутровых бусинок, словно заколдованных морозом, в ожидании, когда природа снова пробудится ото сна, и тогда капли проснутся, отпустят ветку и обрушатся на землю синхронным водопадом.

У самого моря возвышались утесы, похожие на морщинистых доисторических ящеров, а между ними образовался залив с небольшим галечным пляжем, где то и дело попадались полусгнившие водоросли и выброшенные на берег медузы.

Майя насчитала троих полицейских в форме и команду кинологов. Двое полицейских что-то обсуждали, склонившись над большой картой. На скамейке сидели водолазы в полной экипировке и беседовали с несколькими женщинами, должно быть, врачами скорой помощи. Рядом с берегом Майя увидела лодку. В носовой части стояла, наострив уши и глядя в воду, огромная овчарка.

Собака по поиску трупов, подумала Майя, содрогнувшись.

Бурная деятельность при полной тишине. Похоже, никто не обратил на Майю особого внимания.

Она посмотрела в сторону парковки. Две полицейские машины, скорая помощь, минивэн, легковая машина и несколько зевак, остановившихся у края дороги. Майя подумала, что объявление о пропаже уже наверняка передали по всем каналам.

Она достала мобильный телефон и прочла на сайте одной из крупных вечерних газет:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

ПРОПАЛ ТРЕХЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК

Полиция ищет трехлетнего мальчика, который сегодня утром пропал около своего дома на острове Уруст, недалеко от Нэсунда. На момент исчезновения был одет в черные термобрюки, темно-синюю флисовую кофту и коричневые кожаные ботинки с зелеными полосками. Полиция будет благодарна за любую информацию: 11414.

Скоро сюда сбегутся журналисты и любопытные. Засунув телефон в карман, Майя повернулась к морю. Волны неспешно поднимались над поверхностью одна за другой, а потом исчезали, сливались с общей водной массой, уступая место новым волнам.

Как это просто для моря, подумала Майя.

Один уходит, другой приходит, вот и все.

Майя медленно пошла в сторону дома. Тут с воды послышался пронзительный лай. Кажется, собака в лодке что-то учуяла, она словно обезумела, начала подпрыгивать на узком носу лодки и бить мордой о воду, как будто пытается схватить волну.

Из дома выскочил Мартин, Майя заметила дикий блеск в его глазах и натянутое как струна длинное тело.

– Что-то нашли? – спросил он, пробегая мимо Майи; его голос звучал как из пропасти, а слова словно извергались из него.

– Не знаю, – тихо ответила Майя. – Но что-то явно произошло.

Он побежал дальше. Без куртки, ботинки не зашнурованы.

Майя ускорила шаг, а дойдя до дома, схватила кожаное пальто на овчине, висевшее в прихожей, и побежала обратно за Мартином. Роберт последовал за ней.

Все собрались на маленьком галечном пляже и не сводили глаз с оживившейся собаки. Оба водолаза уже погрузились в воду. Санитары принесли носилки. Майя не могла понять, вселяет ли это надежду или, наоборот, сулит беду.

Время шло. Плотный слой туч прорезали лучи заходящего зимнего солнца, подсветили низкое одеяло облаков изнутри, наполнили их золотом – настоящий дар в ту минуту, когда, увы, любые дары кроме одного потеряли всякий смысл.

Мартин сидел на корточках, дрожа всем телом, Майя накинула ему на плечи пальто. Он то закрывал лицо руками, то смотрел на бурлящую воду, на людей, ищущих его сына.

Время от времени налетали порывы ледяного ветра, но в остальном погода успокоилась.

Вдруг поверхность воды раздвинулась – это вынырнул один из водолазов. Он подплыл к лодке и передал кинологу какой-то предмет. Они обменялись парой слов, затем лодка направилась к берегу.

Первой лодку встретила женщина – Майя поняла, что она руководит поисковой операцией. Женщина взяла у кинолога предмет. Затем повернулась к Мартину и медленно пошла в его сторону, держа предмет в руках.

Мартин поднялся.

– Это... – успела начать вопрос женщина.

Казалось, что Мартин внутренне защищается, пытается противостоять буре, потому что должен, потому что выбрали именно его.

Он кивнул совершенно безликим, механическим движением.

Потом опять опустился на колени, буквально повалился.

Перед ним стояла женщина с ботинком Адама в руке.

Зимний ботинок из коричневой кожи с зелеными полосками.

2

Первый кинологовический патруль обнаружил следы, ведущие от дома к воде, на прибрежную парковку и камни. Поскольку собака не ищет по запаху отдельного человека, а идет по человеческим следам вообще, вполне могло быть так, что Мартин сам наследил, когда искал Адама. Однако за территорию участка никаких следов не вело.

Поэтому, когда позднее в воде было найдено не только ведро Адама, но и его ботинок, все казалось предельно ясным, словно кто-то вынес приговор: он, отец Адама, упустил мальчика из виду, Адам убежал один к морю, упал в воду и утонул. Тела не нашли, но все, похоже, были уверены в том, что гибель мальчика – трагический факт, не подлежащий сомнениям.

Прежде всего, в этом был уверен сам Мартин.

Когда он увидел этот мокрый ботинок, его покинула последняя надежда.

Его мальчик утонул, погиб, его больше нет.

Однако полиция этой уверенности не разделяла. Собаки могут ошибаться, поэтому в тот же вечер была проведена масштабная поисковая операция с использованием вертолета. Дружина с собаками обыскала территорию в десять квадратных километров, заглядывала в каждый сарай, под каждый куст. Затем по тем же маршрутам прошла новая команда. Операция закончилась только к утру. Когда ресурсы полиции были исчерпаны, подключились общественные поисковые организации.

Но и они ничего не нашли.

Когда поиски закончились безрезультатно, полицейские вернулись. Теперь их было двое, мужчина и женщина, и держались они уже совсем не так дружелюбно и уважительно, как в прошлый раз. С собой у них был диктофон, и беседа началась с того, что они назвали дату, точное время, а также перечислили всех присутствующих. Роберта попросили пройти в соседнюю комнату, откуда он слышал, как прозвучало неприятное слово «допрос». Он знал, что полиция опросила многих людей из круга общения Мартина и Александры, в том числе заходили к Роберту и Лие, задавали так называемые «стандартные вопросы». А вот вопросы, задаваемые теперь Мартину, звучали все более жестко.

Как вы оцениваете ваш брак с Александрой?

Почему Александра была в Копенгагене, вы что, поругались?

Стала ли обстановка дома более напряженной после рождения Нелли?

Как вы можете охарактеризовать финансовое положение семьи, приносит ли устричная ферма ожидаемую прибыль?

Можете ли вы точно описать, что вы делали в тот день, когда Адам исчез...

Мартин отвечал односложно, от его внимания не ускользнуло, что его подозревают. Однако это оставило его равнодушным, он сам себя уже во всем обвинил. Если бы он не ответил на телефонный звонок, если бы не дал отцу довести себя до такого состояния, чтобы забыть, что сын сидит один на крыльце... тогда бы ничего не случилось.

Роберт удивился, что Мартину не предложили вызвать на допрос адвоката, этот вопрос он и задал полицейским, когда они вошли.

– В следующий раз, – сухо ответила женщина и бросила укоризненный взгляд на Роберта.

Однако дальнейших допросов не последовало.

К сожалению, мы вынуждены констатировать – на настоящий момент все указывает на то, что ваш сын упал в воду и утонул. Но мы, разумеется, продолжаем считать мальчика без вести пропавшим, пока...

...пока мы не найдем тело.

* * *

Первое время стало кромешной тьмой, развершимся адом. Безостановочно звонил телефон, Мартина засыпали письмами и эсэмэсками, так что он отключил мобильный, ему ни с кем не хотелось общаться, ни со знакомыми, ни с чужими. Журналисты, соседи и просто любопытные собрались у дома, вся дорога была заставлена машинами с логотипами самых разнообразных газет, а также теле- и радиокомпаний. Исчезновение детей всегда привлекает повышенное внимание СМИ. Мартин задернул все шторы в доме. Он не знал, остался ли он один или рядом с ним в темноте находится Александра, он ее не слышал и не видел. Она словно исчезла из его жизни вместе с Адамом.

Он даже не пытался найти для себя опору, он просто падал, как будто проверяя, насколько глубока пропасть под ним. Он больше не сопротивлялся. Так было легче, просто опустить руки и умереть самому.

Его телом завладело отчаяние, оно терзало его сутки напролет, требуя ответов, вселяя чувство вины, пока ему наконец не дали лекарство, выписанное врачом, которого кто-то вызвал, и вот как-то ночью отчаяние отступило.

Теперь он ощущал его скорее как фантомную боль – знал, что оно никуда не делось, хотя и не чувствовал его.

Некоторое время спустя – может быть, дни, а может быть, недели – вокруг Мартина сформировалась некая внешняя действительность с размытыми

контурами. Ему стало казаться, что он находится внутри какого-то пузыря, или под стеклянным колпаком. Он мог выглянуть наружу, но вступить в контакт ни с кем не удавалось. Ни с Александрой, ни с маленькой дочкой. В какие-то минуты он даже забывал, как зовут девочку, тогда приходилось ждать, когда Александра или кто-то другой назовет ее по имени и делать вид, что ничего не произошло. Все это время он играл самого себя, не понимая, как это получается, но по-другому не мог. Разумом понимал, что горе Александры ничуть не меньше его собственного, однако дальше своей вины ничего не ощущал. Ему казалось, что они не способны дать друг другу поддержку и утешение. Поэтому он не хотел с ней разговаривать. Не хотел, чтобы ему стало лучше.

Он вообще не хотел жить.

К чему продолжать дышать, подобно выброшенному на берег морскому животному. Мартин часто смотрел на море, его тянуло туда, ему хотелось, чтобы и его тоже поглотила, пленила, растворила вода.

Рано или поздно, думал он. Рано или поздно...

Море манит меня. Мне нужно туда.

Море было единственным, с чем Мартин сохранил контакт.

Постепенно Мартин начал замечать, что Александра с девочкой все чаще уходят из дома. Скорее всего, они проводили время в Гетеборге, у родителей Александры. Потому что ей требовалась помощь, как она это объяснила. Из чего он сделал вывод, что от него самого помощи было немного, но он это и так знал.

– Прими душ, – прошептала она ему как-то утром, перед тем как уйти. – Начни с этого.

Ее выражение лица несколько дней стояло у него перед глазами, Мартин безуспешно пытался истолковать его. Отвращение? Сочувствие? Отчаяние?

Он решил остановиться на последнем, с ним легче всего было смириться.

Они потеряли Адама.

Все разрушено. Все.

Именно так.

Он подумал, вернется ли она на этот раз. Как будто это имело какое-то значение.

Друзья перестали приносить ему замороженную еду на ужин и кастрюли с супом. Он питался одними консервами: фасолью, готовыми ravioli и скумбрией в томатном соусе; он похудел и оброс щетиной.

Он хорошо помнил, какие цветы успели появиться, завянуть и умереть. Он понимал, что это должно означать что-то прекрасное, хорошее, но сил его хватало лишь на то, чтобы смотреть на гору мусора в углу сада.

На дороге рядом с домом по-прежнему время от времени появлялись журналисты в надежде задать ему вопросы. Мобильный телефон он так и не включал, а кроме того, выдернул домашний телефон из розетки. Однажды утром он нашел под дверью конверт, который подсунули под дверь: ему предлагали крупную сумму денег за то, что он в какой-то телевизионной студии озвучит свою версию произошедшего. Интересно, что бы они предпочли: чтобы его горе растрогало зрителей до слез или чтобы очевидно испытываемое им чувство вины бросило на него тень подозрения? Какой сценарий собрал бы большую аудиторию? А какой привлек бы рекламодателей?

Его часто навещала мама, как ему казалось, не один раз в неделю. Они почти не разговаривали, обычно он молча рассматривал ее широкую спину, пока она хлопотала на кухне, или слушал ее приглушенные всхлипывания, когда она пылесосила и застилала постель наверху. Что же касается Александры, он не мог вспомнить, когда видел ее в последний раз.

Тоски он не ощущал. Это чувство было ему незнакомо. В комнату Адама он еще не заходил, хотя прошло много недель. Если он это сделает, то окажется на неизведанной территории, еще более пугающей, это он хорошо понимал.

Сначала необходимо встретиться лицом к лицу с чем-то внутри себя, чего он старался не замечать. Надежнее оставаться там, где он находится сейчас, как бы это место ни называлось.

Внутри чего-то стеклянного, подальше от всего.

В горячечном беспокойном сне, напичканный таблетками, он раз за разом видит перед собой короткие сцены того дня, когда пропал Адам, – как резюме предыдущих серий в сериале. А еще вернулись сны, которые он часто видел, когда Александра была беременна. Счастливые, полные радостного ожидания, на грани с явью. Сон о том, как отец с сыном удят рыбу, сидя на мостках; вот они играют в снежки, составляют слова из букв или готовят завтрак для мамы. Перед Мартином проплывают и другие эпизоды: вот он ведет сына в первый раз в школу, а вот учит его плавать, считать, водить машину. А потом он просыпается...

Время идет, не оставляя промежутков между часами, днями и ночами.

* * *

Что это было?

Такой звук, будто что-то упало на пол.

Мартин резко проснулся, сел на кровати и прислушался. Голова казалась большой и пустой, перед глазами стоял туман.

Он ведь дома один.

Должно быть, Адам вернулся. Ну разумеется, так оно и есть. Мартин специально не запирает дом по ночам, чтобы сын мог войти в любую минуту.

Кошмарный сон закончился. Мартин ощутил прилив адреналина.

– Иду, малыш, – крикнул он. – Я уже иду!

Выбравшись из-под одеяла, спотыкаясь, он добежал до комнаты мальчика и заглянул в нее, но там никого не оказалось. Может быть, он опять ходит во сне? Мартин направился в комнату с телевизором. Сердце бешено забило, когда в слабом свете он различил маленький силуэт у окна. Он протянул руку, чтобы дотронуться до сына, но тут темная фигура повернулась к нему и дико зашипела. Огромная кошка, забравшаяся на столик перед окном, прищурилась, посмотрела на Мартина, и снова отвернулась к морю.

Скучала ли кошка по своему хозяину, по Адаму? Могут ли кошки скучать? Помнить чей-то запах? Чей-то голос? Чью-то ласку?

Или кошка услышала чьи-то крики?

Мартин ведь был настолько уверен в том, что Адам погиб, утонул. Неужели достаточно одного звука в ночи, чтобы надежда пробудилась вновь? Неужели так будет всегда? Ему суждено жить, прислушиваясь, в вечном ожидании?

Мартин наступил на что-то мокрое и увидел, что вазочка с лучшими камушками Адама упала и разбилась. Он выругался на кошку. Потом заметил на полу еще кое-что. Наклонился, чтобы поднять. Маленький кусочек водорослей. Это кошка притащила с моря, или они лежали вместе с камнями?

Потрясенный, Мартин вернулся в постель.

До спальни доносилось резкое мяуканье. Мартин встал и открыл окно. Ветер усилился, теперь он швырял волны о каменистый берег.

Проснувшись наутро, Мартин обнаружил на простыне кровь. Кусочек стекла от вазочки вонзился ему в пятку.

Когда Мартин стоял в ту ночь в комнате с телевизором, он обратил внимание на то, что вид на воду частично загораживают молодая сосенка и редкий кустарник. Если что-то будет происходить на море, у него не будет полного обзора. А обзор ему сейчас необходим. На следующий день Мартин выяснил, что дерево растет не на его участке, а на общественной территории. Сосну надо убирать, это он твердо решил. Но действовать следует осторожно и незаметно,

чтобы соседи не подняли шум.

* * *

Вечер выдался мрачный и хмурый, и когда Мартин отправился в сарай за топором, начал накрапывать дождь. Мартин вышел за ворота и двинулся к сосне. Только он принялся за работу, как в рощице у тропинки хрустнула ветка, и Мартин прислушался. От стоящего поодаль фонаря струился жидкий свет. Вдруг за деревом мелькнул чей-то черный силуэт, напугав Мартина до смерти. Мартин кинулся бежать по тропинке, и внезапно позади него стало светло, как днем. Он обернулся и увидел яркие огни и машину с логотипом телеканала, припаркованную в лесочке.

* * *

Подруга Роберта Майя так часто мелькала в его поле зрения, что в конце концов закрепились в его сознании, в отличие от многих других людей, которые появлялись и уходили с тех пор, как произошло несчастье: полицейских, психологов, приятелей друзей и прочих. Всех тех, кто хотел помочь. Или же просто узнать: что чувствует человек, когда случилось худшее? Можно ли пережить такую потерю? Видно ли по человеку, виновен он или нет?

Майя с самого начала показалась ему... довольно упертой. В то время как остальные заходили все реже и реже, она продолжала упорно стучаться к нему в дверь. Приносила что-нибудь вкусненькое, хотя он ничего не съедал. Ему было нечего возразить, поэтому он молча позволял ей зайти и выпить у него кофе.

Она ничего не требовала взамен.

Иногда они играли в карты или в шахматы. Один раз она принесла пазл из тысячи деталей, устроилась за столиком на веранде и потом полдня сидела, хмыкала, крутила и перекладывала кусочки, пока он занимался другими делами, или, скорее, ничем не занимался.

Через некоторое время он присел рядом с ней и начал искать нужные детали среди множества кусочков синего неба и зеленой травы, на первый взгляд

совершенно одинаковых.

Он чувствовал себя все лучше в ее компании, ведь от него ничего не требовалось, можно было даже не отвечать, когда она к нему обращалась. Она все равно продолжала приходить, по хозяйству ничего не делала, зато могла вдруг включить музыку и начать комментировать, как звучит гитара в третьем куплете.

Со временем она стала все больше говорить. Не о себе, не о нем – этих тем она никогда не затрагивала, – а обо всем на свете. Какую погоду обещают, что нового в мире, пересказывала прочитанное или то, что где-то слышала. Ничего, что могло бы взволновать. А он просто позволял все это на себя выливать, иногда выхватывал отдельные фразы и новости, но она никогда не просила его высказать свое мнение, которого у него, собственно, и не было.

Как-то раз она начала пересказывать сериал, который смотрела на «Нетфликсе», и позднее он понял, что она нарочно рассказывает его серия за серией, по одной в день. Постепенно его увлек сюжет, и начав однажды слушать активно, он уже не мог остановиться.

В конце концов он начал замечать, что, когда она приходит, он испытывает... нет, не радость, конечно, но нечто, что выводит его из полного оцепенения. Предвкушение.

Постепенно она начала задавать ему вопросы. Со временем он понял, что ее что-то гложет, что она никак не расстанется с мыслью о том, что Адам, возможно, не утонул, а был похищен. А может быть, она просто провоцировала его, хотела вызвать у него хоть какую-то реакцию? Бешенство? Да кто ты такая, чтобы приходить сюда и вселять ложные надежды? Или как раз надежду? Поначалу он не чувствовал ничего. Во всем, что касалось Адама, до него было не достучаться. Но он не пытался ее остановить, не потому, что она вселяла в него веру в то, что мальчик, несмотря ни на что, может быть жив, а потому, что теперь он ценил ее присутствие чуть больше, чем отсутствие.

Все потому, что в ее компании он мог оставаться самим собой. Вот именно таким жалким и ничтожным, каким себя и ощущал. Настолько презирающим себя. А еще потому, что за ее рассказами время хоть как-то шло.

Пока мы не найдем тело.

Ботинок мальчика стал как бы последним, решающим доказательством того, что Адам упал в воду и утонул.

Разумеется, могло быть и так.

Но Майя заметила, что ей не хочется смириться с этой мыслью. Точнее, ей казалось, что окружающие слишком быстро ее приняли. Разумеется, течение могло отнести маленькое тело сколь угодно далеко – оно могло теперь находиться на стометровой глубине или на полпути к Дании, однако факт оставался фактом: тело не найдено.

Насколько поняла Майя, дело о возможном похищении мальчика по-прежнему было открыто, но расследование ни к чему не привело. Но если кто-то похитил Адама, ему или ей хватило бы ума подбросить ведерко и ботинок в воду.

После публикации скандальных снимков, на которых Мартин представал с топором в руках и безумным взглядом, подозрения по отношению к нему со стороны общественности лишь укрепились.

– Как им удалось изобразить Мартина похожим на Джека Торранса в «Сиянии»? – возмущенно спросила Майя у Бекке.

– Когда Мартин побежал, это стало настоящим рождественским подарком для их новостного канала. Думаешь, полиция всерьез подозревает, что Мартин что-то сделал с Адамом?

– Нет. Но если они придут к выводу, что мальчик утонул, не исключено, что Мартина будут судить за непреднамеренное причинение смерти. Оставлять таких маленьких детей без присмотра считается грубейшей неосторожностью.

Кроме того, по-прежнему оставалось непонятным, кто различными способами терроризировал семью за два месяца до исчезновения Адама и раньше.

* * *

Впервые Роберт с Лией рассказали об этом вечером того дня, когда пропал Адам. Они сидели в их красивом экодоме из дерева, глины и льна и пили вино.

Роберт все время плакал. Мартин был его давним другом, мальчишки у них родились практически одновременно, оба друга брали отпуск по уходу за детьми и наблюдали за сыновьями друг друга в первые годы их жизни.

– Они должны были расти вместе, – всхлипывал он, пока Лия бережно гладила его по спине. – А теперь все пропало.

За окнами сгущались сумерки, окутывая все вокруг спасительным мягким бархатом.

– Я слышала о расследовании, – сказала Майя. – Вы не знаете, в чем там было дело?

– Умышленное причинение ущерба, – ответил Роберт и высморкался. – Звонки, письма и вредительство.

Майя внимательно слушала, и Роберт продолжал:

– Когда Мартин основал устричную ферму, муниципальные власти разрешили ему использовать лодочный сарай и кусочек пляжа для хранения снаряжения. Это всего в нескольких километрах от его дома, и там достаточно глубоко для установки садков.

– И в чем проблема?

– Оказалось, что живущая там неподалеку семья всегда пользовалась этим сараем и пляжем как своей собственностью. И двое братьев, которые там по-прежнему живут, были не очень-то рады появлению Мартина.

– В принципе, их можно понять, – сказала Майя.

– Точно. К тому же Мартин в таких делах не очень, – отозвался Роберт.

– Что ты имеешь в виду?

– Он бывает несколько... упертым. Раз уж он получил разрешение пользоваться этим местом, значит так тому и быть, спорить бесполезно. А что там было раньше, его не волнует.

– И что в результате произошло? – спросила Майя.

– Эти двое братьев все время на него нападали, когда он приезжал, или когда они сталкивались с ним в городе. В грубой форме советовали ему по-хорошему забрать свои вещички. А он не забирал. Тогда они начали портить ему вещи, кое-что вообще пропало. Потом принялись названивать на мобильный. По крайней мере, Мартин думает, это были они. Звонили по ночам и молчали, номер не определялся. А потом начали приходить письма с угрозами, если я правильно помню.

Он отпил вина.

– Но Мартин не сдавался, и в конце концов все прекратилось. А несколько месяцев назад кто-то перерезал веревки, на которых крепились садки с устрицами. Какой-то рыбак это обнаружил.

– А не могли веревки сами порваться? – спросила Майя.

– Срезы были абсолютно гладкие. Я сам видел, так что тут сомнений быть не может. Но в последнее время все, кажется, успокоилось.

– А что еще известно об этих братьях? – поинтересовалась Майя.

– Не много, – сказала Лия и покачала головой, а потом взглянула на Роберта, словно ища у него поддержки. – Они лет на десять младше нас, так что мы никогда не встречались в одних кругах. А так... я знаю, что они живут вместе и что у них небольшое хозяйство. А еще они... возятся с машинами, что-то там чинят. Говорят, в подростковом возрасте были довольно буйными. А фамилия их Юханссон.

– Этот хутор – их родовое гнездо, – добавил Роберт. – Несколько лет назад их отца нашли повешенным в лесу. Чуть ли не кто-то из них и нашел.

Лия опустила глаза.

– Про мать, кажется, никто ничего не знает. Нелегко пришлось ребятам.

Возвращаясь тем вечером домой, Майя думала, как ей будет не хватать добродушной Лии с ее булочками, столь не похожей на нее саму, когда она вернется обратно в свой лес. И ведь это не единственное, чего ей будет не хватать.

* * *

Когда Майя, в связи с переездом, временно стала частью экопоселения, она быстро нащупала равновесие, которое до сих пор неплохо работало, – равновесие между приобщением к жизни поселения и несколько отстраненным отношением к местным делам.

Долгосрочные проекты отпадали сами собой по естественным причинам, например, было много разговоров и собраний по поводу будущего общего помещения, которое предлагалось оборудовать в старой хозяйственной постройке у дороги. Простенький паб, который можно сдавать для различных праздников и курсов. Возможно, даже с парой комнатушек с кроватями для гостей поселения. В такие вопросы Майя не вмешивалась вовсе. Как и в проблемы эксплуатации общих очистных сооружений и в вопрос о том, можно ли разрешать гостям жителей поселения самим арендовать баню.

А вот в совместных субботниках она старалась участвовать по мере сил, хотя знала, что в таких практических делах она вряд ли может считаться незаменимой.

Чего она боялась больше всего в связи с переездом, так это того, что у нее не останется времени на работу. Но ей удалось убедить себя, что вовсе не обязательно выращивать овощи, вязать носки или разводить несušек. Ее дом оказался обычным домом, в котором можно просто жить, хотя и построенным из природных материалов и каким-то загадочным образом сохраняющим тепло без

внешней отопительной системы. Электричество поступало из возобновляемых источников, а в туалете фекалии автоматически отделялись от мочи и напрямую поступали на местную очистную станцию, причем обо всем этом можно было не думать, пока все работало как часы, а именно так оно и было.

Жители самых маленьких домиков в поселении пользовались общей ванной, прачечной и некоторыми другими помещениями, что не причиняло ей никаких неудобств, хотя по вечерам и хотелось порой полежать в джакузи с лавандовой пеной. Подписывая договор об обмене жильем, Майя взяла на себя обязательство ухаживать за небольшим огородиком, где в первую же ее весну на острове появились зеленые ростки, которые Майя с помощью поисковика определила как ревень, мяту и лук-резанец. Ей никогда в голову не приходило, что можно ощутить удовлетворение, наблюдая, как что-то растет, возделывая землю, но когда к лету она собрала свой первый урожай листового салата, ее сердце наполнилось какой-то нелепой радостью. Может быть, стоит заняться садом, когда она вернется домой?

И все же вид на море из огромного окна был потрясающим.

* * *

После исчезновения Адама Майя стала регулярно навещать Мартина. Говорила, что «просто проезжала мимо», и каждый раз у нее оказывались с собой ванильные булочки или слойки с корицей, испеченные Лией или купленные в пекарне, которые она в конечном итоге всегда съедала сама. Иногда она привозила ему замороженные полуфабрикаты и клала в морозилку, на что он никак не реагировал.

Возможно, предполагаемая гибель мальчика в воде пробудила дремавший в ней интерес к расследованиям – она больше двадцати лет проработала фотографом в полиции, хотя это и было давно. Теперь она пыталась убедить себя в том, что ничего не разнюхивает, а в дела влезает исключительно из сочувствия к пострадавшим. Она даже самой себе не признавалась в том, что преступления и насилие – убийства, драки и побои – вызывают у нее неподдельный интерес и что она скучает по увлекательной работе со следователями. Еще до того, как Майя в юности устроилась фотографом в полицию Карлстада, она чувствовала себя в полицейском отделении как дома. Ее мама работала в полиции.

И вот сейчас она не могла избавиться от мыслей о том, что же случилось с Адамом, поэтому ей хотелось узнать как можно больше о предшествовавших исчезновению событиях. К тому же Роберт попросил ее иногда заглядывать к Мартину, если будет время, и эту просьбу она считала хорошим оправданием. Она знала, что Александра редко появляется дома, а если вдруг Майя заметит ее машину у ворот, всегда можно просто проехать мимо.

Чаще всего они сидели за большим столом у Мартина на кухне. Майя варила кофе, накрывала на стол и доставала колоду карт, этот прием срабатывал всегда, всегда, Майя просто не понимала, почему в шведском обществе игра в карты имеет столь незначительную роль. Но, возможно, все не так, может быть, карточные игры – настолько естественная составная часть жизни, что об этом даже не говорят.

– Сыграем?

Как правило, он отказывался, тогда она раскладывала пасьянс, а он просто смотрел. А когда Мартин соглашался, они обычно играли в покер или во что-нибудь простое вроде «Дурака». Иногда он увлекался игрой. Майе нравилось наблюдать за тем, как он хоть в чем-то находит забвение. Но лучше всего шла игра в шахматы. Между ходами могло пройти сколько угодно времени, и при этом совершенно не обязательно было что-то говорить. А еще Майя мысленно поздравила себя с удачным ходом, который заключался в том, чтобы пересказывать сериал по эпизодам, по Мартину было видно, что он постепенно увлекся и начал внимательно слушать.

Майя знала от Роберта, что большим увлечением Мартина был дайвинг и что раньше он мог часами рассказывать о подводном мире. Может быть, именно эта тема поможет ему раскрыться, подумала она.

– Расскажешь о своих занятиях дайвингом? – спросила она как-то вечером, когда он согласился на шахматную партию, и она как раз, посмеиваясь, съела его коня своей пешкой. – Для меня это всегда было чем-то... чуждым, что ли. Но я никогда и не была по-настоящему знакома с морем.

– Меня это увлекло с самого начала, – ответил Мартин.

– А что именно тебя увлекло?

– Все, как мне кажется.

– Например...?

Он пожал плечами.

– С точки зрения биологии. Политики. И в плане впечатлений. Восхищение морскими растениями, которые составляют основу пищевой цепи, служат питанием для беспозвоночных, которых, в свою очередь, съедают мелкие рыбешки и ракообразные, а на тех уже охотятся более крупные морские хищники. Восхищение тем, как клетка живого организма приспособилась к жизни в соленой воде.

Он помолчал.

– Порой мне кажется, что именно поэтому мы так легко бросаем мусор в воду. Море кажется нам чем-то бесконечным, как космос, где все дерьмо просто исчезает, парой бочек химикатов больше – какая разница.

– Да, об этом нам теперь известно, но одно дело так рассуждать, и совсем другое погрузиться в воду, в темноту...

Когда Мартин начал рассказывать о дайвинге, он предстал перед Майей совершенно в другом свете – тем Мартином, каким он, вероятно, был до их знакомства. Его немногословность словно улетучилась, он подробно и увлеченно рассказывал о том, как красиво на глубине, о кораллах и ракушках, о медузах и крабах, о солнечном свете, проникающем сквозь толщу воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/yansson_syuzanna/zimnyaya-voda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)